

Чжао Чжэнь, едва услышав сказанное, повеселел и, как любой заботливый отец, интересующийся судьбой своего сына, с волнением спросил:

— Кто эта юная девушка? Ее отец или братья служат при дворе? Неужто это та девушка из дома Юнъань?

Тан Сюань покачал головой и указал в сторону Сы Наня:

— Это он, молодой господин из дома Сы. Я хочу расчистить для него все преграды, хочу защищать его, чтобы его жизнь была спокойной. Я хочу быть с ним днем и ночью, быть его самым верным «другом» — так, как вы, Ваше Величество, однажды сказали мне: «Даже если придется пойти против всех чиновников империи, делай то, что считаешь правильным».

Улыбка на лице Чжао Чжэня застыла.

В то время он, перебрав вина, не смог удержаться и рассказал совсем юному Тан Сюаню о своей прошлой любви к императрице Вэньчэн. Кто бы мог подумать, что ребенок запомнит эти слова.

Чжао Чжэнь откашлялся:

— Э-э, Сюань-эр, знаешь, ветер что-то сильно шумел, я не расслышал. О ком ты сказал?

— О молодом господине из дома Сы, Сы Нане.

Чжао Чжэнь нахмурился:

— Нахальный мальчишка, тебе уже двадцать, а ты все шутишь с отцом! Этот парень из дома Сы, как и ты, мужчина. На что ему твоя защита? Ты ведь сам сказал, что ты всего лишь его друг. Такие слова, как «день и ночь», следует говорить девушкам!

Тан Сюань оставался спокойным и непоколебимым:

— Мне не нравятся девушки.

— Да ты вообще скольких девушек знаешь? Как можешь судить, нравятся они тебе или нет? — усмехнулся Чжао Чжэнь. — Когда-то твой отец тоже говорил, что не любит девиц. Да я его даже женить хотел, а он отказывался! А потом что? Сам ползал на коленях у дворца, прося выдать ему твою мать.

При упоминании родителей Тан Сюань сжал губы и промолчал, но выражение его лица

отражало твердую решимость.

Чжао Чжэнь, изнемогая от волнения, принялся увещевать:

— Да слухи о тебе и этом парне из дома Сы уже по дворцу разнеслись! Все потому, что вы сами ведете себя так, что дают повод для пересудов.

— Я знаю. Я не боюсь ничего — ни людей, ни их осуждений, — но вы правы, я должен подумать о нем. — Тан Сюань покачал головой. — Конечно, я не хочу, чтобы кто-то порочил его имя.

— Вот видишь? Тогда и говорить о таком больше не смей. И при людях ведите себя осторожнее, не слишком сближайтесь, чтобы не вызвать еще больше сплетен.

— Нет. — Тан Сюань нахмурился. — Я не стану отдаляться от него.

- Ты упрямец, настоящий упрямец! — Чжао Чжэнь ткнул его пальцем в лоб, сердито развернулся и взобрался в карету.

Тан Сюань остался стоять на месте, провожая его взглядом. Каретная штора покачивалась, едва открывая смутный силуэт внутри.

Чжао Чжэнь прищурился, вспоминая: этот упрямый вид так напоминал тот день, когда он, еще совсем маленьким, впервые вошел во дворец.

- Сюань-эр, такой же нрав упрямца... За столько лет ничуть не изменился, — с улыбкой заметил он.

Чжан Маоцзэ рассмеялся:

- Ваше Величество, но ведь именно эта его прямота и привлекает вас в цзюньване?

- Слишком уж прямолинейный, — вздохнул Чжао Чжэнь. — Сегодня он, верно, опять рассердил императрицу. Иначе не стал бы говорить такие несусветные вещи.

Чжан Маоцзэ задумался:

- Ваше Величество полагает, что Янь-цзюньван сейчас злится?

- Скорее всего, именно так. Он обижен, что императрица предложила ему в жены какую-то купеческую дочь.

Помолчав, Чжао Чжэнь добавил:

- Хотя правда и в том, что он действительно хорошо ладит с этим молодым парнем Сы. Только он слишком простодушен, не понимает, где дружба, а где супружеские узы.

Чжао Чжэнь тяжело вздохнул и, чувствуя усталость, продолжил:

- Это моя вина. Когда-то я устроил ему наложницу, но она ему не приглянулась, и я оставил его в покое. За все эти годы так никого и не добавил к его двору...

Чжан Маоцзэ мысленно вздохнул: неужели все дело действительно в этом?

Чжао Чжэнь нервно постукивал по подлокотнику:

- Поторопи снова Чжао Цзунши. Пусть скорее отправляется в столицу и обязательно берет с собой сяньчжу Юньань. Как только у Сюань-эра появится жена рядом, он поймет, в чем состоит счастье.

Чжан Маоцзэ поспешно кивнул.

Два дня спустя, постоянный двор в Цайчжоу.

Чжао Цзунши, закончив читать указ, нахмурился:

- Это уже третий. Император явно спешит, нам нужно ускориться, чтобы не заставлять его ждать.

Гао Таотао бросила взгляд, решительно сказала:

— Я поеду с тобой. Быстрая скачка на пару дней — и мы будем на месте. Пусть Чжун Чжэнь с несколькими людьми сопровождают Линси. Даже если задержатся на несколько ночей — ничего страшного.

Чжао Цзунши поспешно ответил:

— В дороге будет трудно, мне лучше ехать одному. Жена, оставайся с Линси.

Гао Таотао укоризненно взглянула на него:

— Если в столице все спокойно, то ладно. А если вдруг что-то случится? Ты такой

простодушный, как я могу быть спокойна?

Чжао Цзунши крепко взял ее за руку и с чувством сказал:

— Когда ты рядом, я действительно чувствую себя увереннее.

Гао Таотао слегка порозовела и коротко бросила:

— Ладно, хватит уже. Собирайся быстрее, я пойду переговорю с теми тремя мальчиками, и мы сразу отправимся.

Чжао Цзунши весело пожал ее руку:

— Благодарю тебя, жена.

Она кокетливо улыбнулась и, махнув рукой, направилась наверх:

— Да уж, благодарности твои...

Две четверти часа спустя.

Юньань-сяньчжу*, Чжао Линси, глядя на удаляющуюся карету, подпрыгнула от радости:

— Наконец-то Тринадцатый брат уехал! Теперь можно свободно бродить по горам и наслаждаться свободой!

(ПП: сяньчжу – титул дочери принца)

Ее служанка Цзю-эр, прикрыв рот, рассмеялась:

— Если бы Тринадцатый господин увидел вас сейчас, он бы усомнился, сестра ли вы ему.

Чжао Линси, бросив кислый виноград в рот, весело заявила:

— Тринадцатый брат такой скучный! Если я не притворюсь перед ним, он меня насквозь пробурчит.

Цзю-эр тихо вздохнула:

— Но он все же ваш брат. Долго вы будете притворяться?

Чжао Линси, пожав плечами, небрежно ответила:

— Сколько получится, столько и буду! Ты ведь знаешь, каково мне. Я не рождена от законной матери, и не прихожусь кровной родней Тринадцатому брату. Если бы не невестка, которая взяла меня к себе в дворец и два года заботилась обо мне, как бы император вообще вспомнил обо мне?

Цзю-эр нахмурилась и тихо проговорила:

— Госпожа, но вы ведь не всерьез хотите выйти за того самого «Янь-цзюньвана, который одной стрелой пронзает горло Королю Яма»? Это же слишком страшно. Я бы не решилась последовать за вами.

Чжао Линси, хитро улыбаясь, ущипнула ее за щеку:

— Успокойся, я видела кузена Сюаня. Все не так страшно, как о нем говорят.

С ее положением выйти замуж за Тан Сюаня было уже лучшим выбором, и Чжао Линси была вполне довольна. Самое важное — в детстве Тан Сюань был невероятно красив. Если сейчас он не потерял свой облик, то она, без сомнения, сорвала джекпот!

Да, Юньань-сяньчжу Чжао Линси была не только прирожденной актрисой, но и неисправимой поклонницей красивых лиц.

Вернемся к текущему моменту.

Пока император наставлял Тан Сюаня, Сы Нань тоже не сидел сложа руки.

Желающих оформить членскую карту оказалось слишком много — значительно больше, чем изначально предполагалось. Планировалось принять только сто человек на статус «привилегированного члена», но эти места быстро закончились, и остальным пришлось соглашаться на обычное членство.

И тут начались проблемы. Люди, пришедшие позже, были недовольны и почти затеяли спор с персоналом.

Помощник Сяо Го, весь в поту, подбежал к Сы Наню:

— Хозяин, ситуация выходит из-под контроля. Может, выдадим больше карт? Все равно никто

не считает.

Сы Нань решительно покачал головой:

— Невозможно. Сказано сто — значит сто. Если сейчас нарушим правило, то кто поверит нам в следующий раз?

Сяо Го замер на миг, а потом быстро закивал:

— Понял.

Сы Нань похлопал его по плечу:

— Молодцы, что держитесь. Дальше я сам разберусь.

С этими словами он поднялся на помост все с тем же самодельным рупором в руках, и с улыбкой обратился к толпе:

— Ничего страшного, если сегодня вы не успели стать привилегированными членами. Можно оформить обычную карту: накопите тысячу вэнь на расходах, и ваш статус автоматически обновится до привилегированного. Причем не нужно вносить всю тысячу сразу! Это же выгодно!

Некто пронизательно спросил:

— Обычные члены клуба тоже получают скидку 15% при посещении?

— Обычные члены клуба, предварительно вносящие сто вэней, получают скидку 5%, — ответили ему.

Толпа, услышав это, разразилась недовольством и начала шуметь.

Сы Нань, сохраняя абсолютное спокойствие, сказал:

— Так, раз уж вы все настолько доверяете нашему фирменному горячему горшку семьи Сы, я беру на себя смелость предложить следующее: сегодня те, кто оформит карточку, при любом посещении нашего заведения, независимо от того, сколько вы закажете, получат в подарок два блюда — одно мясное и одно вегетарианское. Что скажете?

Юй Сан-нянь, смекнув, добавила:

— Наши блюда — отборные, так что по стоимости это примерно равно 15%-й скидке.

Толпа наконец осталась довольна и тут же начала наперебой оформлять карточки, боясь, что если промедлят, то даже простыми членами клуба не смогут стать.

Сы Нань, выбравшись из толпы, увидел У Цзысюя, стоявшего у двери с приподнятым подбородком и наблюдавшего за ним.

— Ну ты и щедр, — начал У Цзысюй. — Тут два блюда подаришь, там два блюда подаришь. Не боишься, что новую лавку придется закрыть, не успев открыть как следует?

Сы Нань приподнял бровь:

— Ты не понимаешь, да? Брат, послушай, в бизнесе главное — сначала научиться делиться прибылью, только тогда можно заработать по-настоящему.

У Цзысюй хмыкнул:

— Что за вздор?

Сы Нань рассмеялся:

— Этот «вздор» я узнал от одного мудреца по фамилии Ма. Сяо Сюй-Сюй...

У Цзысюй вспыхнул:

— Замолчи! И не смей больше звать меня этим дурацким именем! Брат сказал, если я хорошо справлюсь с новым рестораном, он разрешит мне сменить имя.

— И как же ты собираешься назваться?

— У Цянь! Цянь, как в «скромности». Нет, не так! Цянь, как в «скромный»! Это имя придумал мой брат! — У Цзысюй задрал подбородок, сияя от гордости.

Сы Нань не удержался от смеха — так вот откуда взялось это «Сюй»!

Снаружи раздался голос У Цзысина, зовущего брата. У Цзысюй тут же с радостью откликнулся:

— Брат зовет меня! Я домой, там у нас вкусняшки! — с этими словами он поспешно сунул Сы

Наню в руки деревянную коробочку.

Сы Нань почувствовал тяжесть в руке и удивился:

— Что это? Золотой слиток?

— Да ты глянь на себя, какой ты приземленный! Думаешь, я стану дарить такие банальности?

Сы Нань усмехнулся:

— Лучше уж подари мне банальность, не мучай.

У Цзысуй фыркнул:

— Твой деревянный тигр у входа выглядит жалко. Этот господин решил заменить его на нефритового. Не стоит благодарить.

В вопросе с франчайзингом Сы Нань не только доверял ему, но и позволил ему приобрести вес в глазах родственников. Этот подарок был подготовлен У Цзысином в знак благодарности Сы Наню.

Сы Нань с улыбкой сказал:

— Раз ты так искренне преподносишь, я приму без церемоний. Позже выпьем вместе.

У Цзысуй махнул рукой:

— Договорились, договорились.

Увидев его довольную физиономию, Сы Нань не удержался и поддразнил:

— Рад, что познакомился с тобой, друг мой, маленький Цянь-Цянь.

— Да кто с тобой дружить будет!

У Цзысуй закатил глаза, метнул в сторону Сы Наня недовольный взгляд и вприпрыжку убежал.

Сы Нань расплылся в улыбке.

Позади него возникла высокая фигура. Низкий и чуть приглушенный голос спросил:

— Новый друг? Тоже парень?

— Ревнуешь? — Сы Нань почти пропел, подняв кончик фразы до небес. — Просто обычный друг. А что касается парня, то моего Сяо Сюань-Сюаня мне вполне достаточно.

Цзюньван мгновенно успокоился.

Сы Нань поднял подарочную коробку:

— Просто подарок от обычного друга. Проверять будете?

— Хочешь заменить входного деревянного тигра?

— Да кто осмелится! — Сы Нань поднял кулак, театрально разыгрывая возмущение. — Кто только попробует дернуть хоть за один ус моего маленького Сяо Сюаня, мигом сделаю его лысым!

Тан Сюань улыбнулся краешком губ и, смягчив голос, произнес:

— Пойдем домой.

— Хорошо, дома приготовим что-нибудь вкусное. Сяо Цзай с утра говорил, что хочет жареную рыбу. Зайдем на Западный рынок за рыбой?

— Угу.

Тан Сюань протянул руку, чтобы развязать поводья, но Сы Нань успел перехватить их первым.

Сы Нань улыбнулся озорной улыбкой:

— Сегодня я поеду верхом, а ты возьмешь маленький велосипед. Дам тебе шанс почувствовать себя по-другому.

Нет, ну конечно, я ни за что не признаюсь, что хочу посмотреть, как он будет суетиться и теряться!

Тан Сюань слегка приподнял край своего плаща и с легкостью ступил на трехколесный велосипед.

С тех пор как они заменили обычный транспорт на этот педальный, Тан Сюань еще ни разу его не пробовал. Это был первый раз, и освоить баланс оказалось непросто. Особенно смешно, как он то и дело наклонялся то влево, то вправо, едва удерживая равновесие. Когда-то и Сы Нань, впервые оседлав трехколесный велосипед, прославился, устроив из него «аттракцион бампер-каров».

Он с нетерпением ждал, когда же Тан Сюань попадет впросак, и с невинным видом будет вынужден просить у него помощи.

Однако спустя пару мгновений Тан Сюань уверенно прокрутил педали. Прошло еще немного времени, и трехколесник уже далеко отъехал вперед.

Он ждал и ждал, но вместо ожидаемого представления «аттракциона столкновений» стал свидетелем того, как Тан Сюань ловко увернулся от маленькой собачки, внезапно выскочившей из-за угла, и продолжил кататься все увереннее и увереннее!

— Почему?!

Почему у других гунов их маленькие «шоу» всегда такие слабенькие, глупенькие, нуждаются в том, чтобы великий покровитель время от времени учил их, лелеял, мягко тыкал в носик и называл «маленьким глупышом»? А почему его «шоу» такой способный?

Даже шанса проявить свою мужественность ему не дают!

Сы Нань обиженно фыркнул, дернул поводья и погнался вперед. В итоге, не рассчитав силу, случайно хлестнул лошадь слишком сильно. Хэяо громко заржал и взвился на дыбы.

Сы Нань, не ожидавший этого, рухнул назад.

Видя, как его голова уже почти коснулась земли, готовясь к удару, который вышибет из него все семь чувств, Тан Сюань стремительно бросился вперед и поймал его в свои объятия.

Его глубокие черные глаза были полны тревоги, длинные пальцы легонько коснулись маленького носика, а бархатистый голос с оттенком укоризны прошептал:

— Маленький глупыш, стоило мне только отвернуться, как ты уже умудрился упасть.

Сы Нань моргнул несколько раз, чувствуя, что в этом что-то явно не так.

Просто... это ужасно стыдно.

Он потерял всякое желание ехать верхом, забрался в свой маленький трехколесный велосипед и, поникнув головой, поехал вперед. Тан Сюань, только что отчитавший Хэяо, последовал за ним пешком, стараясь не отставать. Он наблюдал за угрюмым видом юноши, молча подбирая слова утешения.

Но прежде чем Тан Сюань успел что-либо сказать, навстречу им вышли двое в одежде придворных. Они показались до боли знакомыми — служили во дворце Фунин.

Они сообщили, что Чжао Чжэнь приглашает Сы Наня во дворец обсудить подготовку к празднованию Середины Осени.

Тан Сюаня охватило дурное предчувствие:

— Организацией праздника занимается Министерство обрядов, почему же Его Величество не вызвал господина Цю?

— Это я вызвался сам, захотел лично обсудить с императором, — Сы Нань достал из-за пазухи толстый свиток бумаги. — Смотри, я даже расписание подготовил.

— Ты назначил встречу на сегодня?

— Вообще-то на завтра. Сам удивляюсь, почему император вдруг так срочно захотел видеть меня, — Сы Нань улыбнулся. — Может, подписание договора прошло настолько успешно, что он теперь смотрит на меня совершенно иначе?

Тан Сюань на мгновение задумался, но так и не решился рассказать Сы Наню, что именно говорил о нем Чжао Чжэнь. Такие вещи можно обсуждать с кем угодно, но никак не при нем.

— Я пойду с тобой, — спокойно сказал Тан Сюань.

Сы Нань радостно кивнул:

— Так даже лучше. С тобой рядом я чувствую себя увереннее.

Тан Сюань обернулся к евнуху:

— Его Величество говорил, чтобы я не сопровождал его?

— Нет, — ответил евнух. — Напротив, Его Величество сказал: если встретите цзюньвана, можете взять его с собой.

Тан Сюань с облегчением выдохнул. Похоже, дело действительно касалось подготовки к празднованию Середины Осени, а не попытки осложнить жизнь Сы Наню.

Группа поспешила во дворец.

Едва они вошли в ворота Сюаньдэ, как навстречу выбежал Му Цин. Он наклонился к уху Тан Сюаня и что-то прошептал. Оба выглядели обеспокоенными.

Тан Сюань замер на мгновение и, нахмурившись, сказал:

— Ты вместе с Линь Чжэнем следи за ситуацией. Я подойду чуть позже.

Му Цин всполошился:

— Босс, мы сами не справимся! Если бы вск было просто, мы бы не прибежали вас искать!

Тан Сюань твердо повторил:

— Сейчас я не могу.

Му Цин с мольбой посмотрел на Сы Наня.

Сы Нань легко потянул Тан Сюаня за рукав:

— Если нужно, иди по делам. Я справлюсь. Его Величество добрый человек, может, даже пригласит меня отведать дворцовых яств.

Му Цин, воспользовавшись моментом, потянул Тан Сюаня:

— Да, босс! Где еще в Кайфэне может быть безопаснее, чем во дворце? Не волнуйтесь.

Дело действительно было срочным. Тан Сюаню пришлось уступить. Он строго сказал:

— Жди меня у ворот Дунхуа. Пойдем домой вместе.

Сы Нань с улыбкой махнул рукой:

— Не переживай, я тебя не оставлю.

Когда Тан Сюань ушел, оба евнуха заметно расслабились. Один из них, осмелев, посмотрел на Сы Наня и с улыбкой заметил:

— Слухи не лгут: молодой господин Сы и Янь-цзюньван действительно близки.

Сы Нань бросил на него насмешливый взгляд:

— Слухи говорят не так, верно?

Евнух натянуто улыбнулся:

— Бывает, что слухи преувеличивают. Верить им не стоит.

Сы Нань усмехнулся:

— Вот именно. Тот, кто верит слухам, просто глупец.

Евнух застыл, улыбка сползла с его лица.

Будь это кто угодно другой, он давно бы ударил его за такую дерзость! Но страх перед Янь-цзюньваном заставил его промолчать.

Сы Нань больше не обращал на него внимания, а вместо этого с любопытством осматривался вокруг.

— Оказаться во дворце хотя бы раз в жизни — уже удача, — пробормотал он себе под нос, восхищенно разглядывая величественную архитектуру.

Великий дворцовый город династии Сун, окруженный жилыми домами, поражал своей необычной скромностью. Когда-то Сун Тайцзун несколько раз задумывался о ее расширении, но всякий раз откладывал эти планы, столкнувшись с проблемой переселения жителей.

За последние годы число слуг во дворце значительно сократилось. Причиной тому была не только политика экономии, проводимая правителем, но и теснота в жилых помещениях.

В эпоху Сун дворцовые наложницы никогда не называли себя «хозяйками дворца» — одной из причин было то, что им не предоставлялось отдельного дворца, и они были вынуждены довольствоваться комнатами в павильонах.

Существующие постройки, хотя и несколько обветшалые, сохранили особый шарм. Ярко-красные стены дворца, смытые дождями, казались испещренными пятнами, на желтых

черепичных крышах пробивалась густая зелень травы, под карнизами свили гнезда ласточки, а в тенистых углах у подножия стен росли крошечные грибочки.

Очень искренне и тепло.

Точно так же, как Чжао Чжэнь всегда производил впечатление мягкого, дружелюбного правителя, а не грозного императора, готового без промедления приговорить кого-либо к смерти.

И действительно, в зале Фуин Чжао Чжэнь вовсе не демонстрировал императорского величия. Напротив, он вел себя как добродушный старший, велел подать закуски и фрукты и сам угощал Сы Наня.

Сы Нань вежливо похвалил угощения, как было принято.

Чжао Чжэнь, смеясь, сказал:

— Если нравится, то хорошо. Уходя, захвати с собой. Слышал от Сюань-эра, у вас дома еще есть малыши. Отнеси им, пусть попробуют.

Сы Наню ничего не оставалось, как почтительно поклониться и принять дар.

После непринужденной беседы зашел разговор о подготовке к празднованию Середины Осени.

Изначально Сы Нань отвечал лишь за семь основных блюд для пира, но после того, как Чжао Чжэнь сегодня увидел, как он провел церемонию подписания договора, у него появились новые идеи.

— Я посмотрел, что подготовило Министерство обрядов, все слишком скучно. Вы, молодежь, мыслите креативнее. Придумай что-нибудь необычное.

Сы Нань осторожно возразил:

— У меня мало опыта, да и никогда не доводилось присутствовать на дворцовых пирах, не говоря уже о слушании придворной музыки. Если начну предлагать необдуманные идеи, боюсь, это будет дерзко.

Чжао Чжэнь махнул рукой:

— Говори, не бойся. Какая уж тут дерзость? Если сразу ничего в голову не приходит, обсуди это со Сюань-эром, а он уже передаст мне.

Сы Нань поклонился, соглашаясь.

Тут Чжао Чжэнь перевел разговор на другую тему:

— Сюань-эру уже двадцать, и впервые он нашел друга. Я радуюсь за него. Если бы Ю Чжи и Юэ Жань могли знать об этом там, в мире мертвых, они были бы спокойны.

Эти имена — его покойные родители, отец и мать Тан Сюаня.

Сы Нань только почтительно слушал, не осмеливаясь задавать вопросы.

Чжао Чжэнь продолжал, словно разговаривая с самим собой:

— Хотя нет, не были бы. Все-таки как можно успокоиться? Сюань-эру уже двадцать, а о его браке до сих пор ничего не слышно. Люди могут подумать, что это я мешаю ему.

Сы Нань вздрогнул, почувствовав что-то недоброе. Почему император затрагивает такую деликатную тему в разговоре с посторонним?

Чжао Чжэнь пристально наблюдал за его реакцией и, усмехнувшись, сказал:

— Ты ведь близок с ним, поговори с ним, помоги мне убедить. Даже если не ради чего-то еще, то ради рода Тан. Западные территории, где в распоряжении семьи Тан десятки тысяч солдат, держатся только на нем.

— Хорошо, что через несколько дней эта девушка, Юньань-сяньчжу вернется в столицу. У меня тоже будет на что надеяться. Сюань-эр говорил об этом? Юньань-сяньчжу — дочь Жунань-цзюньвана, девочка смысленная и веселая, к тому же весьма красивая. С детства дружила с Сюань-эром, можно сказать, выросли вместе, словно два ростка у одного корня.

Сы Нань почувствовал, как его сердце камнем падает вниз.

Он наконец понял, зачем его пригласили. Император вовсе не ради беседы о празднике Середины Осени вызвал его. Это был тонкий намек, даже скорее предупреждение. Или слухи дошли до Его Величества, или тот что-то заподозрил.

Должен ли он чувствовать благодарность?

Великий император, вместо того чтобы казнить его, простого смертного, без лишних разговоров, проявил милосердие, решив потратить время на укоры и намеки.

Сы Нань закрыл глаза, а затем поднял голову, на лице засияла открытая улыбка:

— Ваше Величество, вы ставите меня в затруднительное положение. Характер Янь-цзюньвана вам известен лучше моего. Убедить его — все равно что уговорить бревно стать гибким.

Его улыбка была настолько искренней, слова настолько прямолинейными, что Чжао Чжэнь прищурился и долго разглядывал его лицо, но так и не нашел изъянов.

— Вы все, правда, один упрямее другого, — махнул рукой император. — Ладно, хватит. Забирай свои сладости и ступай. Как будет время, загляни в дворец, послушай болтовню старика.

Сы Нань огляделся по сторонам с непониманием:

— Ваше Величество, а в вашем дворце разве есть старики? Я тут уже давно, но никого не видел.

Чжао Чжэнь рассмеялся:

— Хитрюга!

Сы Нань, неся в руках большую коробку с угощениями, с улыбкой вышел из дворца.

Чем дальше он уходил, тем меньше было улыбки на его лице. Чем глубже он погружался в свои мысли, тем сильнее путались чувства.

Дойдя до Восточных ворот, он внезапно вспомнил: Тан Сюань говорил, чтобы он ждал его здесь. Ноги сами несли его вперед, как будто в забытьи. У ворот росла старая акация, под ней лежал большой камень, который Тан Сюань специально принес для него.

Когда Сы Нань раньше приходил сюда, он неизменно усаживался на камень, закинув ногу на ногу, ел жареную сою и весело болтал. Завидев Тан Сюаня, он срывался с места, словно маленький цыпленок, и, шатаясь, бежал к нему, заодно сыпал остатки сои ему в рот.

Высокомерный и строгий Янь-цзюньван перед этим шутником становился совершенно безоружным.

Стражники давно знали Сы Наня и приветливо ему улыбались. Сы Нань натянуто скривил губы — даже без зеркала он знал, насколько искусственной выглядела его улыбка.

Он просидел на камне добрую половину дня, но Тан Сюань так и не появился.

Ему стало по-дурацки стыдно.

Император только что намекнул ему на недопустимость их близости, а он тут же собирается вместе с Тан Сюанем домой. Это же откровенный вызов.

Если бы речь шла о ком-то постороннем, он бы уже успел ответить дерзостью, заставив того раз и навсегда держаться подальше. Но это был император — приемный отец Тан Сюаня, который искренне заботился о нем и желал ему лучшего. Сы Нань не мог проявить жесткость по отношению к человеку, для которого Тан Сюань был важен.

Родственные чувства и искренность всегда были его слабостью.

Сы Нань решил больше не ждать, поднялся и ушел.

— Уже уходишь? — с любопытством спросили стражники. — Может, передать цзюньвану, что ты приходил?

— Не надо, — махнул рукой Сы Нань. — И не говорите ему, что я здесь был.

В душе закипала обида. Какая разница, Тан Сюань или Тан Сюань-цзун!

Вернувшись домой, он обнаружил, что дети уже закончили занятия.

Это было странно — обычно к этому времени в маленьком дворе кипела жизнь: дети тренировались или убрали во дворе, белки, собаки и даже ягненок носился по участку. Но сегодня все было подозрительно тихо.

Сы Нань несколько раз позвал, но никто так и не вышел. Более того, окна и двери были плотно закрыты.

Сы Нань испугался, что случилось что-то серьезное, и решительно открыл дверь.

Дети, один за другим, словно маленькие мышата, увидевшие кошку, поспешно натянули на головы одеяла.

Сы Нань уже все увидел.

Не считая Хуайшу, здесь оказалось семь малышей, и на лицах у всех были следы побоев. Хуже всех пострадал Дун Цзао — половина его лица была распухшей. Чтобы скрыть следы, малыши специально нанесли на лица слой бледной белой пудры, но это только сделало синяки еще более заметными.

Первая реакция Сы Наня была — боль и жалость, но, глядя на виноватые выражения их лиц, он сразу понял, что здесь что-то не так.

— Что произошло?

Дети переглянулись, будто искали спасения друг у друга. Наконец, Сяо Цзая вытолкнули вперед, и тот едва слышным голосом пробормотал:

— Мы... случайно... упали.

Сы Нань с громким хлопком ударил ладонью по столу:

— Уже научились врать?

Дети вздрогнули от страха. Сяо Цзай, разрыдавшись, бросился к нему на руки:

— Не... не надо было врать... Мы... подрались...

Отлично, все же знают, что могут положиться на него, и не считают врагом.

Хотя ситуация была явно неподходящая, Сы Нань почувствовал легкое удовлетворение. Он смягчил тон и спросил:

— Почему подрались? Да еще и проиграли?

— Мы не проиграли! — с хрипотцой возразил Дун Цзао. — Они пострадали сильнее! Я их в реку пнул!

— Кто они?

— Босс Лай и парочка его шестерок, — несмело ответил Эр Доу, глядя на Сы Наня. — Они нас оскорбляли... и еще нашего учителя.

Терпеть оскорбления в свой адрес они бы, возможно, смогли, но оскорблять учителя было недопустимо!

Босс Лай? Старый знакомый.

Сы Нань спросил:

— Что он такое наговорил?

— Он обозвал учителя мужским демоном, который продает свое тело, и сказал, что мы — мелкие бесы, которых содержат знатные господа.

— Учитель, а что значит «продажная задница»?

Натянутая струна в сознании Сы Наня моментально порвалась.

<http://bllate.org/book/13604/1206389>